

● ● ●
Звучал осенний стылый вечер
Дождём и рокотом авто.
Был путь домой фонарно-млечен,
И тьма в шагреновом пальто
Брела заулками

и мокла

В тени озябших тополей.
Дома зажмуривали окна:
Мол, утро ночи мудреней.
А я вбирала жадно звуки,
Сырые запахи листвы...
Мне целовало небо руки
Так,
словно это были Вы.

● ● ●
Январь—серебряный мизгирь—
Плетёт оснеженные петли.

Сквозь разузоренные ветви
Краснеет яблоком снегирь.
Его нахохленный убор
Сквозь хохлому оконной глади
Я углядела:—Бога ради,
Не улетай! Порадуй взор!
Мой спящий сад тебе ль не люб?
Его сокровища несметны:
И звёздный час, и час рассветный
Слетают чувственностью с губ.
А день небесною рукой
Сучит для зимнего пейзажа
Лучисто-солнечную пряжу
Сквозь ветви нитью золотой.

Но гость, лишь миг собою скрасив,
Махнул крылом и—восвоися...

● ● ●
Расписан апрель полотнами
С домами и тротуарами.
Распахнуты люди окнами,
Их души летают парами
Бульварами или скверами,
Любуясь весны пейзажами,
И небо смеётся серыми
Глазами, от счастья влажными.

Пройдут бураны

(Рондо)

Пройдут бураны—белое кино,
Где снега, как по Броуну, чудно
Скользят, стучат в оконные экраны,
Где наши души—тонкие мембраны—
С холодной интригой заодно.

И там, где мы,—пространство стеснено.
И вновь саднят невидимые раны,
Моим стихам пророча почерк рваный.
Пройдут бураны.

Кто знает, сколько нам отведено?
Возьми себе что хочешь, решено,
Я выверну души своей карманы,
И ты поймёшь, как глупо всё и странно.
И если время стужи сочтено—
Пройдут бураны.

● ● ●
Шаркал день в калошах старых
По двору туда-сюда:
Сколько дел больших и малых,
Сколько нужного труда!
Гнул натруженную спину.
Эх, наука не нова—
Накормить в хлеву скотину
Да в сарай сносить дрова.
Эка мелочь—недослышать
(Уж и на руку не скор),
Но подладить малость крышу,
Покосившийся забор,
Протопить в избе печурку,
На судьбину не ропща,
Да глядеть, как шает чурка,
Меж поленьями треща,
Помолиться на божничку,
Всё вздыхая:—Э-хе-хе,—
С поканьем, по привычке,
В несодеянном грехе.
Опосля перекреститься
«От какой бяды ляхой»
И в ночи душой светиться,
Отправляясь на покой.

Ой ты, высь—Господня голубень.
Загустела сырь ветров окольных.
Под стрехой сосульчатая звень.
А сосед гоняет «цельный день»
Голубей: и бабочек, и бойных.

И до боли—солнечная блажь.
И до неги—в небе пируэты.
—Эх, сосед, почто ты баш на баш
У барыги, под хмельной кураж,
Голубкá сменял на сигареты?

Ведь ему, прохвосту, всё одно—
Что крылатый вестник, что тряпица.
И в ночи́ мне грезилось окно,
Где душа, уставшая давно,
Всё рвалась на волю, словно птица.

Предзимье

Ещё снега неполновесны.
Ещё желтеть меж пашен тесно
Плакун-траве. И холода—
Что неокрепшая орда—
Непостоянны повсеместно.

Ветра—студёны, но не колки—
Ныряют в голые околки.
Им вторят, будто бы сродни:
«А ну, попробуй догони!»—
В поля бегущие просёлки.

В седую даль за перелески
Уходит день в закатном блеске,
Немой улыбкой на просвет.
И красит вечер в фиолет
Предзимья матовые фрески.